

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЕТСКОЙ ЛЖИ

Наталья Хмелик

- журналист, писатель, мама троих детей - двух сыновей и дочери-подростка.

Наверное, нет на свете человека, у которого не возникал бы вопрос: почему дети лгут? Честность входит в набор качеств, которые взрослые испокон веков стремятся воспитать в детях, а потому каждый случай лжи нас так огорчает.

Американские психологи задумались над тем, какой бывает детская ложь. Почему дети лгут, и как сами воспринимают свой обман? Исследователи университета Аризоны, интервьюируя детей школьного возраста, спрашивали их о том, в каких ситуациях приемлемо лгать. Во многих случаях дети предпочитали говорить правду, но когда все же решали приврать, это была социально приемлемая ложь, с помощью которой они пытались защитить кого-то из своих друзей или получить для друга какую-то выгоду. Хотя с возрастом вероятность солгать нарастала, все дети, даже первоклассники, понимали разницу между "белой" и "черной" ложью.

Психологи заметили интересную тенденцию: социально приемлемую ложь дети чаще используют в общении со сверстниками, а эгоистическую - ради собственной выгоды, с целью защитить себя или скрыть свой проступок, в общении с матерями. Это различие было обнаружено и у студентов.

Психологи, проводившие это исследование, придерживаются позиции, что иногда лгать хорошо и правильно, и родители должны это объяснять детям. "Обман социально приемлем и даже необходим, - пишет в журнале *Scientific American* профессор, руководитель группы психологов университета Аризоны Венди Геймбл. - В социальных отношениях обманываться приходится довольно часто, а потому дело не в том, чтобы отбросить ложь как нечто, безусловно, плохое, а в том, как ею пользоваться, взаимодействуя с другими людьми. Поэтому мы и рекомендуем родителям в общении с детьми подчеркивать обычность обмана и его социальную приемлемость".

Другой американский психолог Пол Экман, исследователь невербального поведения и автор самой известной в мире монографии о психологии лжи, рассказывает о любопытном психологическом эксперименте, проведенном в конце XIX века. Во время суда, который решал вопрос о возможности привлечения восьмилетнего ребенка свидетелем по делу об убийстве, бельгийский психолог Варондек попросил двадцать детей этого возраста сказать, какого цвета борода у их учителя. Правильный ответ дал лишь один ребенок - у учителя вообще не было бороды. Таким образом, стало очевидно, что дети иногда лгут просто, чтобы понравиться взрослым, или дают ответ,

которого мы ждем от них. Оказалось, что грань между невольным искажением истины и заведомой ложью очень зыбка.

Пол Экман выделяет основные виды лжи по их содержанию: искажение правды, умолчание и жульничество. Хотя когда мы узнаем о том, что ребенок солгал, мы в равной степени огорчаемся и искажению правды, и умолчанию о том, что произошло. А спокойнее и увереннее чувствуем себя, когда понимаем мотивы лжи. Но проблема состоит в том, что дети редко лгут по какой-то одной причине, обычно это целый комплекс мотивов: стремление избежать наказания, страх унижения, нежелание оказаться доносчиком, защита товарищей.

Приемный сын Пола Экмана Том в 13 лет в отсутствие родителей устроил дома вечеринку, хотя делать это ему было запрещено. Когда взрослые вернулись, мальчик ничего не рассказал им о встрече. Правду они узнали от соседей. Другой семиклассник - Джек, перемещаясь по отцовскому кабинету, уронил со стола клавиатуру компьютера, которая в результате пришла в негодность. На прямой вопрос отца он ответил, что не трогал компьютер. Экман считает, что в первом случае мы имеем дело с умолчанием, во втором - с искажением правды. Для Тома важно было повеселиться с друзьями без присмотра взрослых, что считалось неприемлемым для его родителей. Он скрыл правду, чтобы избежать наказания. Однако к этому примешивались желание доказать собственную взрослость, свойственное переходному возрасту, а также стремление устроить проверку отчиму, который не раз давал Тому понять, что его не обманешь. Правда, сам Том позже объяснял свои мотивы иначе. Он готов был рассказать правду, но отец вернулся домой в дурном настроении, и к нему лучше было не соваться. А отложенное признание все равно повлекло бы за собой наказание за ложь.

В случае с Джеком мотивом лжи была боязнь наказания, поскольку мальчик знал, что отец "помешан на своем компьютере". Но при этом Джек боялся и унижения, так как уронил клавиатуру случайно - подросток был неуклюж.

С какого возраста дети начинают осознанно лгать? Этот вопрос был задан родителям и воспитателям четырехлетних детей. 33 процента ответили утвердительно по поводу трехлеток, а с тем, что все шестилетние дети легко могут солгать, согласились все 100 процентов опрошенных американцев. Большинство детей могут лгать в таком раннем возрасте, когда взрослые считают, что они на это не способны. Пол Экман описывает эксперимент, в котором детей трех с половиной - четырех лет оставляли в комнате, где находилась игрушка, которую им запрещали трогать. Экспериментатор выходил из комнаты, а другой взрослый брал игрушку, играл с ней, "случайно" ломал и тоже выходил. Половина детей знали и любили человека, который сломал игрушку, для других он был незнакомцем. Вернувшись, экспериментатор спрашивал, что произошло. О том, что в комнате был какой-то взрослый, сказали правду все участники эксперимента. Но из тех детей, кто хорошо знал этого человека, около половины не выдали его: они либо говорили, что не знают, кто сломал игрушку, либо указывали на какого-то другого виновника.

Психолог Экман говорит, что примерно до восьмилетнего возраста дети считают ложью любое ложное утверждение независимо от того, знал ли говоривший о том, что его слова не соответствуют истине. Намерение в расчет не принимается, важна только истинность информации. Даже когда маленьким детям известно, что говорящий не собирался никого вводить в заблуждение, они все равно считают его лжецом, если он говорит нечто, не соответствующее действительности. Однако уже большинство восьмилетних детей, равно как и взрослых, не считают лжецом того, кто сказал неправду непреднамеренно.

С возрастом тенденция лгать нарастает. Есть данные, что 92 процента пятилетних детей считают, что говорить неправду всегда плохо. К 12 годам этот показатель снижается до 28 процентов.

Но знание о том, что все дети лгут, не спасает, когда нас обманывают наши собственные дети. Мы страдаем из-за своей неспособности воспитать в ребенке честность. К огорчению по поводу собственной педагогической неудачи примешивается обида: как он мог? Почему мой ребенок солгал мне, ведь я желаю ему добра? Обида сменяется растерянностью: что же теперь делать?

Американский профессор Чак Фэлкон - психотерапевт с 22-летним стажем, специалист по коммуникативным расстройствам, не видит принципиальной разницы между шестилетней Сьюзи, которая лжет родителям по поводу того, где и с кем она играет, тринадцатилетним Джеком, солгавшим после того, как он сломал клавиатуру компьютера, и подростками, лгущими, когда речь заходит об употреблении алкоголя или наркотиков. Он полагает, что детскую ложь, независимо от возраста ребенка, чаще всего порождают родительские ошибки, которых можно избежать, тем самым уменьшив вероятность детской лжи. Прежде всего, приходится признать, что мы сами говорим неправду. Не замечая, учим детей, что ложь иногда полезна и приемлема, скажем, когда, экономя средства, мы занижаем возраст ребенка, покупая для него билет на транспорте. (Проблему детских скидок на билеты приходится решать многим американским родителям. Пол Экман, например, утверждает, что никогда не лгал по поводу возраста своих детей, причем его сын Том никогда не понимал - почему.)

В общем виде совет Фэлкона звучит так: "Никогда не лгите, чтобы не спровоцировать детскую ложь". Многие из нас наверняка согласятся: "Нельзя запускать механизм лжи". Один из моих знакомых честно пытался следовать этому принципу. Когда его сын был маленьким, мальчика никогда не просили сказать по телефону, что папы нет дома. Папа работал следователем, и телефон у них в доме звонил беспрестанно. Так что сын видел отца только с телефонной трубкой в руке. В конце концов отец понял, что, занимаясь двадцать четыре часа в сутки чужими преступлениями, он практически лишен общения с собственным ребенком. "И тогда, - вспоминает мой знакомый, - я начал избегать ситуаций, в которых сын и телефон рядом".

Еще один способ спровоцировать ложь - спросить ребенка, сделал ли он что-то дурное, если вы знаете, что это произошло. Если ребенок видит, что вы сердитесь, он воспринимает ваш гнев как попытку оказать на него давление, и

желание солгать будет в этом случае естественной реакцией. Если вам известно, что ребенок совершил проступок, гораздо лучше напрямую сказать ему об этом. Нет надобности втягивать ребенка в ложь, когда вы уже знаете правду. Иначе вы сами подталкиваете его к формированию негативного образа - "Я - лжец".

Другая ошибка - подвергать детей допросу с пристрастием по поводу вероятного неблагоприятного проступка и затем сурово наказывать ребенка, добившись признания. Зафиксировав такую причинно-следственную связь, любой ребенок будет лгать, чтобы избежать наказания. Гораздо лучше дать ребенку понять, что наказание за проступок будет гораздо строже, если он солжет. Например, если ребенок признался в том, что кого-то оскорбил, вы можете потребовать, чтобы он извинился и сделал для этого человека что-нибудь хорошее. Если же ребенок оскорбил, а потом солгал, вы можете потребовать извинений, доброго дела, а к тому же лишить ребенка какой-либо привилегии. Фэлкон предлагает нечто вроде математической формулы: ложь по поводу проступка должна либо удваивать наказание, либо за ней должны следовать два наказания - одно за проступок, а второе - за ложь.

На вопрос: что произойдет, если сказать неправду, дети 5-9 лет чаще всего говорят о наказании. В этом возрасте наказание - сдерживающий фактор, утверждает Пол Экман. А вот из двенадцатилетних о наказании упоминают менее трети, а половина говорит, что ложь подрывает доверие, - соображение, почти не упоминавшееся младшими детьми.

Тема наказания за ложь повторяется у разных исследователей и практиков, тем не менее этот принцип вызывает сомнения. Конечно, можно действовать по Павлову, формируя у ребенка условный рефлекс, создавая устойчивую цепочку обман - наказание. При самом благоприятном развитии событий ребенок перестанет лгать из страха перед карой. Но можно ли считать такого человека честным? Будет ли он честен с теми, у кого нет возможности наказать его? Учтем при этом, что благоприятное развитие событий - всегда редкость. Наиболее вероятный результат напоминает борьбу с хакерами: одни изобретают защиты, другие - способы их взлома. Победителя в этой войне нет и, вероятно, никогда не будет. На всякое действие находится противодействие. В нашем случае ребенок начинает лгать более изощренно и лучше прячет концы в воду, а мы, устав от роли следователей, позволяем убедить себя в честности обожаемого чада.

В любом случае, наказывая ребенка за ложь, мы пытаемся лечить симптом, а не причину расстройства наших отношений. Фэлкон пишет, что, если ребенок солгал вам впервые или обманывает редко, отнеситесь к каждому случаю лжи как к признаку кризиса в ваших отношениях. Говорите об этом с ребенком. Объясняйте, что ложь вредит отношениям и может привести к потере друзей, утрате уважения со стороны окружающих и, как следствие, к снижению самооценки. Если человек не может доверять тем, кого он любит, жизнь становится печальной и пустой. А если тебя считают лжецом, понадобится много времени и сил, чтобы вернуть уважение и доверие.

Пол Экман словно спорит с ним: некоторые психологи полагают, что детям можно внушить эту идею честности, рассказывая назидательные истории, например, сказку о пастушке. Как вы, вероятно, помните, речь в ней идет о том, что мальчик так часто поднимал ложную тревогу, крича о нападении волков, что, когда волки действительно напали на стадо, никто ему не поверил и не пришел на помощь. "Помню, когда мне было лет пять или шесть, - пишет Экман, - мораль этой притчи произвела на меня сильное впечатление. Но не припомню, чтобы я вспоминал о ней, когда, став подростком, случалось, обманывал своих родителей и друзей. Может быть, мне пошло бы на пользу, если бы родители и позднее продолжали свои моральные наставления. Я же лишь в юношеском возрасте на собственном опыте, будучи однажды преданным, испытал, как трудно возродить доверие".

Родители не должны скрывать свое разочарование тем, что ребенок вредит самому себе, когда обманывает. Однако и в этом случае, настаивает профессор Фэлкон, ребенка нужно наказывать. (Впрочем, непонятно, почему должен быть наказан только один участник отношений, если речь идет о кризисе. Ведь очевидно, что в этом кризисе виноваты обе стороны. Получается, что нести ответственность за общую вину должен тот, кто слабее.)

Если ребенок лжет регулярно, Чак Фэлкон советует родителям начать с исправления типичных ошибок, провоцирующих ложь. Наш гнев, наши угрозы, постоянные ссоры не помогут, потому что война характеров только усугубляет проблему. Если разочарование по поводу детской лжи не меняет ситуацию, лучше не позволять ребенку разрушать ваше настроение. Ваше разочарование и гнев ребенок может воспринимать как награду, как признак победы над вами. Вероятность лжи уменьшается, если родителям удастся сохранять спокойствие.

Между тем ложь может многое рассказать о переживаниях ребенка, которыми он с нами не делится, не надеясь, что мы можем ему помочь. Например, ребенок дает понять своим знакомым, что ваша семья намного состоятельнее, чем на самом деле. Он рассказывает, что получает большие суммы на карманные расходы, а дома у него есть такие вещи, о которых мечтают все его ровесники. Таким детям, пишет Фэлкон, надо помочь в поисках заработка, чтобы они могли хотя бы отчасти осуществить свои мечты. Конечно, в Америке с этим проще, а у нас - кто же возьмет на работу двенадцатилетнего? Да и родителям беспокоиться, если их подросток бежит по городу, расклеивая объявления, или стоит у метро, раздавая рекламные листовки. И все же выход найти можно. В моей знакомой семье мама-переводчица предложила пятнадцатилетней дочери делать за нее часть работы - выверять географические названия, "вбивать" в текст сноски и ссылки. За это девочка получала деньги, которые тратила на новые диски и краску для волос.

Если ложь вызвана слишком строгими правилами, которые установили родители, стоит задуматься, может быть, есть смысл "расширить границы". Возможно, ребенок уже вырос из детской площадки под окном, а это по-прежнему единственное место, где ему разрешают гулять.

Зачастую мы ведем себя как следователи, забывая о том, что у ребенка есть право на личную тайну. И речь не только о подростках, такое право есть у

человека любого возраста. Пол Экман в этой связи напоминает о Пятой поправке к американской Конституции. Эта поправка дает человеку право не выдвигать в суде обвинения против самого себя. Родители детям в этом праве отказывают, хотя отношения нередко складываются покруче, чем в суде. А дети, естественно, борются, как умеют.

Моя знакомая семья живет в небольшом городке в Калифорнии. Однажды около полуночи в доме раздался телефонный звонок и матери сообщили, что ее 16-летний сын находится в полицейском участке. Мальчика задержали, поскольку он в неурочное время оказался на улице без сопровождения взрослых. Мама была уверена, что сын давным-давно спит в своей комнате, о чем она и сообщила полицейскому. Но представитель власти настаивал на своем. Поднявшись в комнату сына, родители увидели, что чадо спит, уютно завернувшись в одеяло. Однако под одеялом обнаружился вовсе не ребенок, а огромный плюшевый мишка, принадлежащий младшему брату. К медведю булавкой была приколота записка. "Мама! Если ты нашла эту записку - я проведу эту ночь у своей девушки. Не стал обсуждать это с вами, потому что вы бы меня непустили". По дороге к девушке подросток и встретился с полицейским. Услышав эту историю, моя шестнадцатилетняя дочь заявила, что ее американский сверстник был абсолютно прав во всем: и поступил по-своему, и сделал так, чтобы родители не волновались. А что в участок попал - так от случайностей никто не застрахован.

Есть особый случай детской лжи - ложь, связанная с употреблением алкоголя или наркотиков. Пожалуй, это единственный вариант, когда мы должны настаивать на правде. Она необходима, чтобы помочь, потому что сам ребенок из беды не выберется. Надо приложить все силы и убедить ребенка, что гиперреакции не последует, вне зависимости от того, что он сообщит. Важно выяснить не только, какой продукт и в каких количествах он употребляет, необходимо понять чувства подростка. Психологи советуют не строить и не обсуждать решения проблемы, пока родители не получили всю информацию: что употребляет подросток, как часто, что он по этому поводу чувствует и что привело его к такому поведению.

Ситуация с алкоголем и наркотиками экстремальна и, конечно, требует чрезвычайных мер. Если же говорить о случаях менее тяжелых, ложь нередко возникает в ситуациях, когда дети чувствуют, что на них оказывают давление и вынуждают лгать. Если это повторяется часто, ребенок привыкает ладить с ложью.

"Родителям не следует отказываться от своих убеждений по поводу того, как должно себя вести, - пишет Экман. - Но в то же время нам надо относиться к детям так, чтобы дети знали, что они могут доверить нам правду. Доверие детей вначале достается родителям даром, по мере того как дети взрослеют, это доверие все время приходится заслуживать. Проблема лишь в том, что дети сплошь и рядом считают давлением то, что мы, родители, называем заботой и интересом к своему ребенку. И здесь нам никогда не договориться."

В книге Пола Экмана "Почему дети лгут" есть глава "Взгляд подростка на проблему лжи", написанная Томом. Она начинается с эпиграфа, сочиненного самим мальчиком: "Смиритесь! Дети будут лгать вам, пока смерть не разлучит вас". |